

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АНГЛИЧАНАХ
В «НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ»
ЗАПАДНОЙ ФРАНЦИИ
ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Е. М. Мягкова

История XX в., изобилующая разнообразными националистическими, имперскими и расовыми доктринами, особенно располагала к реконструкции тех стереотипов, что сложились у каждого народа относительно других. В 20-е годы в академических изданиях появляется термин *имагология*, который под влиянием «антропологического поворота» переносится в исторические работы из сферы философии, социологии, этнологии и литературоведения¹. Одним из ярких примеров здесь является Бирмингемский центр исследований современной культуры (1964), утверждавший самостоятельное значение образных систем и практик. В трудах британских ученых сформировалась идея о том, что множество культурных форм «незаметно» вовлечены в отношения власти, а сама эта замаскированность порождена конъюнктурными интересами, подлежащими интерпретации. Указанный подход размывал многие границы: между видами репрезентации (литературные вымыслы, научные тексты, иконические образы), сферами общественной жизни (дискурсы, практики социализации, политические институты) и областями, жанрами культуры («высокое» и массовое искусство)².

Елена Михайловна Мягкова — кандидат исторических наук, докторант Института всеобщей истории РАН.

¹ Особенно заметное влияние на этот процесс оказали работы Р.Барта и Ж.Бодрийера (теория симулякров).

² См.: Культуральные исследования. Сборник научных работ / Под ред. А.Эткинда, П.Лысакова. СПб., 2006.

В небогатой по числу работ историографии сюжет, вынесенный в заглавие настоящей статьи, как правило, «терялся» в рамках более широких вопросов: Столетней, религиозной, гражданской (1793–1796) войн на Западе Франции, событий Французской революции, системы международных отношений в целом³. Несмотря на солидное расширение проблематики, накопление значительного эмпирического материала и публикацию источников⁴, эвристический потенциал темы далеко не исчерпан.

В самом общем плане речь в данной статье пойдет о создании вымышленной реальности — образа англичан в землях Западной Франции, — способной, при всей своей фантастичности, заслонять реальность подлинную, влиять на выработку суждений и выбор моделей поведения. В этом контексте важнейшую роль играют не только прецеденты, но и различные формы моделирования/распространения «образов чужого», вплоть до целенаправленной государственной пропаганды.

* * *

Фундаментальной особенностью культуры Средневековья и раннего Нового времени было широкое использование системы символов, строившейся на основе двух идей. Во-первых, представления о всем сущем как «знаке свыше», раскрытие которого ведет к познанию воли Бога (культура элиты)⁵. Во-вторых, тенденция к соединению мира ви-

³ *Boussard J.* Le Gouvernemnt d'Henri II Plantagenêt. P., 1956; *Tourneur-Aumont J. M.* La bataille de Poitiers (1356) et la construction de la France. P., 1940; *Vray N.* Protestants de l'Ouest (1517–1907). Bretagne, Normandie, Poitou. Rennes, 1993; *Peret J.* Histoire de la Révolution française en Poitou Charentes. Projet, 1988; *Roux, marquis de.* La Révolution à Poitiers et dans la Vienne. P., 1910; *Gabory É.* L'Angleterre et la Vendée. 2 vol. [1930–1931] // *Gabory É.* Les Guerres de Vendée. P., 1996; *Hutt M.* Chouannerie and Counter-revolution: Puisaye, the Princes and the British Government in the 1790s. 2 vols. Cambridge, 1983; *Артеменков М. Н.* Англия и гугеноты во время религиозных войн во Франции. М., 2004; *Загидулина Г. Н.* Англия и революционная Франция (1789–1793 годов) // *НиНИ.* 1984. № 3. С. 54–69; *Тарле Е. В.* Французская революция и Англия // *Тарле Е. В.* Сочинения. М., 1959. Т. 7. С. 741–755.

⁴ Хроники и документы времен Столетней войны/Пер., сост., предисл., примеч. М. В. Аникеева. СПб., 2005; Документы по истории гражданских войн во Франции. 1561–1563/Под ред. А. Д. Люблинской. М.-Л., 1962; *Пушье А. Ж.* Мемуары (1600–1617). М., 2005; *La Révolution dans l'Ouest de la France vue de l'Angleterre/Sous dir. X. du Boisrouvray.* Nantes, 1989.

⁵ *Le Goff J.* Les trois fonctions indo-européennes: L'historien et l'Europe féodale // *Annales.* 1979. N 6. P. 1187–1215.

димого и невидимого, где любая мысль подлежала «материализации», изображению (народная культура). Природа в результате выступала как символически удвоенное пространство: о каждом предмете помимо сведений, касающихся его физической природы, существовало «знание» его скрытых значений, дававших простор для самых разных интерпретаций⁶. Объективированные образы действительности — это сублимированное средоточие массовых социально-культурных ориентаций, имплицитно (или эксплицитно) заложенных в подтексте; они являются одновременно как манифестацией определенного взгляда, так и способом воздействия на внешний мир (реальность); возникающая в сознании индивида, они вместе с тем задаются «извне» общими установками культуры. Не случайно в современных исследованиях центр тяжести переносится с «отражающей, описательной способности знаковых систем („иллюстрации“ теологического, литературного дискурса или визуального «комментария» Священного писания) на их выразительные возможности (механизм социальной практики, функционирования власти и памяти)⁷. По мнению Ж. Ле Гоффа, они не являются буквальным «переводом» чего бы то ни было, но представляют совокупность слов, жестов, объектов, определенным образом структурированных, и приобретающих потому некий новый, сакральный смысл. Их понимание возможно лишь в контексте той системы символики, частью которой они являются⁸.

Одна из важнейших исследовательских задач состоит, следовательно, в анализе становления, развития, взаимодействия, смены и исчезновения образов, кои имеют обыкновение распространяться не только «по горизонтали» — от одного места к другому, но и «по вертикали», постепенно спускаясь с вершины на более низкие уровни иерархии. Над их созданием, впрочем, интенсивно работают обе стороны: инсценируя и стилизуя самих себя в отношении визави, «официальная» и «народная» культуры выстраивают собственные представления, совпадающие или не совпадающие с предложенными этим визави вариантами. Так появляется феномен одновременного сосуществования (мирного или конфликтного) разных по модальности образных рядов.

⁶ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А.Я. Избранные труды. Т.2. М.-СПб., 1999. С.53–86.

⁷ См.: Одиссей. Человек в истории: Образ «другого» в культуре. М., 1993; Одиссей. Человек в истории: Слово и образ в средневековой культуре. М., 2002.

⁸ Ле Гофф Ж. Символический ритуал вассалитета // Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2002. С.211–262.

Французское средневековое общество отличалось резкой гетерогенностью в способности воспринимать и производить образы. Существовали пространства и ситуации («сцены»), ведущие к активизации или, напротив, исчезновению «символического обмена». Так, в воображении простолюдинов только англичанин рисовался агрессивным завоевателем, олицетворением абсолютного зла, воплощением дьявольских сил, значительно перевешивая по своим негативным характеристикам представления о других — более ранних и более поздних — «интервентах» (арабах и немцах)⁹. Области наиболее интенсивного выстраивания обликов «чужого» для провинции Пуату (с 778 г. — графство) концентрировались вокруг трех основных сюжетов: династических браков, военных действий, мореплавания.

Традиция династических браков уходит своими корнями в седую древность (первое достоверное свидетельство хроники — 935 г.) и достигает своего «апогея» к XIII–XIV вв., противопоставив в жесткой схватке наследников Валуа и Плантагенетов, а затем — Ланкастеров¹⁰. Алиенора Аквитанская (1122–1204), дочь Гийома VIII, графа Пуату, была выдана замуж за короля Людовика VII (1137–1180). Получив в 1152 г. развод по обвинению в супружеской измене, она обвенчалась с молодым Плантагенетом, будущим королем Англии Генрихом II (1154–1189), Аквитания соединилась с английскими владениями во Франции — Анжу, Мэн, Нормандией и Бретанью. Так, неожиданно сложилось обширное государство, размерами и богатством почти вдвое превосходившее владения французского короля. Сыновья Алиеноры Ричард I Львиное сердце (1189–1199) и Иоанн Безземельный (1199–1216) наряду с английской короной носили титул графов Пуату.

Однако Филипп II Август (1180–1223), ловко воспользовавшись семейным конфликтом при дворе Плантагенетов, а также нарушени-

⁹ Самое раннее упоминание об арабах связано со знаменитым сражением при Пуатье Карла Мартелла в 732 г. (см.: *Le Quéllec J.-L. La Vendée Mythologique et légendaire. Geste éditions. 1996. P.56, 125, 146*). Образы коварных сарацинов, прекрасных мусульманок, захваченных в плен (служанок или жен, обращенных в христианство) актуализировались в эпоху Крестовых походов и Реконкисты (см.: *Rouillé J. Légendes et récits de Vendée. 1996. P. 45–64*). Связанные тесными династическими браками с королем Арагона (1072 г.), графы Пуату участвовали во многих военных мероприятиях испанских монархов (см.: *Girardeau J. Précis historique du Poitou. [1843] Rééd. 2000. P.85–86, 94–96*).

¹⁰ *Richard A. Histoire des comtes de Poitou (778-1204). P., 1903.*

ем ими вассальных обязательств¹¹, объявил континентальные владения англичан конфискованными и добился признания этого успеха в Шинонском мирном договоре (1214). В результате на протяжении целого столетия Людовик IX Святой (1226–1270), Филипп III Смелый (1270–1285), Филипп IV Красивый (1285–1314) не встречали больших затруднений в управлении западными провинциями. Впрочем, Плантагенеты, в роли наследников графов Пуату, теоретически еще могли претендовать на французскую территорию.

Бурная и несчастливая семейная жизнь Алиеноры давала подобным притязаниям множество поводов. Из 35 лет своего царствования Генрих II только 13 провел в Англии, а все остальное время посвящал континентальным владениям. Стараясь в свое время заполучить Аквитанию, он прикинулся влюбленным, но, добившись желаемого, с женой обращался холодно и имел многочисленные связи на стороне. Страстная и мстительная королева старалась внушить своим сыновьям отвращение к отцу и сделать их орудием в борьбе за свои права. Бесконечные интриги и войны стоили ей 10-летнего «пленения». Чаще всего резиденцией ее блестящего двора был город Пуатье. Не случайно легенда о «золотом гробе», будто бы расположенном в подземных переходах пуатевинской фермы Гинфоль, существует и по сей день, хотя могила королевы Англии расположена в стенах аббатства Фонтевро¹².

Очевидно, что характер англо-французских противоречий и последовавшая за ними длительная феодальная война имели ярко выраженную династическую оболочку. В 1328 г. умер Карл IV (1322–1328), не оставив наследника. Эдуард III (1361–1372), которому в качестве внука Филиппа IV по женской линии представилась удобная возможность объединить обе короны, заявил о своих правах на французский престол. Во Франции, однако, сослались на правовую норму (статью «Салической правды»), исключавшую возможность передачи королевской власти по женской линии, и преимущество было отдано представителю боковой ветви Капетингов — Филиппу VI Валуа (1328–1350).

Представители различных социальных слоев Англии считали, что Франции удалось унизить английского короля, добившись принесения

¹¹ В 1188 г. Генрих II признал короля Французского сюзереном своих континентальных владений. См.: Басовская Н.И. Столетняя война: леопард против лилии. М., 2003. С.7–113.

¹² См.: *Le Quellec J.-L.* Op. cit. P.47, 168, 220; *Favreau R.* La ville de Poitiers à la fin du Moyen Age. Une capitale régionale // *Mémoire de la Société des Antiquaires de l'Ouest.* Poitiers, 1978. 4-e série. T.14. Фонтевро — женский монастырь в провинции Анжу, недалеко от Сомюра, основанный в XI в. Здесь находится усыпальница Плантагенетов.

им оммажа за Гиень (1329)¹³, ибо, как замечает автор одной из хроник, «многим людям тогда показалось, что французский престол ушел из-под власти законной династии»¹⁴. Назревавший конфликт прочно связывался в английском общественном мнении со столкновениями с Шотландией: широко известная современникам поддержка, оказанная ей Филиппом VI, якобы была частью плана «общего разрушения Англии». Опираясь на популярную тогда концепцию «справедливой войны», дальновидный и тонкий политик Эдуард III изображал шотландцев взбунтовавшимися подданными Англии, восставшими против власти «законного» государя, а французов — их пособниками¹⁵. В частности, он решительно настаивал на том, что всеми силами пытался избежать войны и что вина за ее разжигание целиком и полностью ложится на французов¹⁶.

Не удивительно, что мало-помалу для жителей Запада Франции «английская партия» стала синонимом неудачного безрассудного семейного союза, приносящего лишь страдание. Далекое неведомое страны воспринимались как экзотические области, в которых, наряду с благополучием и праздностью, царили сказочные монстры. Мрачные сказания о королевах и принцессах туманного Альбиона заполняли воображаемое пространство приатлантических провинций. Излюбленный их сюжет — мистическая способность иноземцев перевоплощаться в аномальных существ, зловредных животных, наделенных, впрочем, каким-либо экстраординарным признаком: белая лань (олениха), белая волчица, чудовище гараш (принимая образ белого козленка или барашка, обманывало и губила прохожих), Белая Женщина (безмолвный призрак, в определенное время суток являющийся к местам трагических событий)¹⁷.

¹³ Оммаж, принесенный Эдуардом III Филиппу де Валуа за герцогство Гиеньское (6 июня 1329 г.) // Хроники и документы времен Столетней войны. С.257–258.

¹⁴ *Ле-Бель Ж.* Правдивые хроники [1352–1356] // Цит. по: Хроники и документы времен Столетней войны. С.11.

¹⁵ *Басовская Н.И.* Указ. соч. С.114–178; *Вайнштейн О.Л.* Дипломатическая подготовка Столетней войны // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С.394–406; *Контамин Ф.* Война в Средние века. СПб., 2001. С.303–310; *Russel F.H.* Just War in the Middle Ages. Cambridge, 1977.

¹⁶ См.: Декларация Эдуарда III по поводу срыва переговоров с Филиппом VI (август 1337 г.) // Хроники и документы времен Столетней войны. С.269–271.

¹⁷ *Le Quellec J.-L.* Op. cit. P.14, 62–63, 136, 153–154, 190, 341–342; *Rouillé J.* Op. cit. P.83–90.

О распространении подобных представлений свидетельствуют суждения просвещенных современников, творчество которых близко соприкасалось с традиционной народной культурой. Франсуа Рабле (1494–1553) долгое время жил в Пуату и получил образование во францисканском монастыре Фонтене-ле-Конт (1510–1524). Страницы его произведения, по мнению литературоведов, неподражаемо точно описывают природу, быт и нравы провинции; текст богат местными речевыми оборотами¹⁸. С его точки зрения, сверхъестественные способности (равно как и «отличительные признаки» потусторонности) считались следствием невероятной образованности, сближающей англичан с Сатаной. «Хоть этот чертов Пантагрюэль и одолел всех болтунов и желторотых сорбоннашек, — думали они, — но уж на сей раз ему достанется на орехи: ведь англичанин-то сущий черт из Вовера». Посмотрим, кто кого¹⁹. Франсуа Вийон (1431 — ок. 1470), проведенный в Пуату несколько лет, без дальних околичностей наделял жителей Британских островов дьявольской природой.

Король шотландцев, тот урод,
Что с сатаной был обручен,
Поскольку от виска по рот
Пятном был красным отличен²⁰...

Городу Пуатье суждено было сыграть важную роль в Столетней войне: тяжелейшее поражение (1356) и беспрецедентное разграбление французского обоза; коронация Карла VII (1422), «экзамен» Жанны д'Арк (1429) перед членами Парижского парламента и университета. Совмещение диаметрально противоположных по модальности образов-событий только усиливало мистический, сверхъестественный колорит западных земель. Пуатевинец Жиль де Лаваль, маршал де Ре (1404–1440) символически соединял в себе оба метафизических начала (Добро и Зло). Ближайший сподвижник Орлеанской Девы (народной

¹⁸ Fruchard L. Histoire culturelle du Poitou. 1997. P.147–148; Dreux-Duradier. Histoire littéraire du Poitou (jusqu'en 1849). Niort, 1849. RéEd. Genève, 1969.

¹⁹ Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль [Книга 2, глава 18]. М., 1973. С.228. Замок Вовер, стоявший на территории нынешнего Латинского квартала в Париже, существовал со времен Людовика Святого. К XVI в. он был заброшен и слыл убежищем нечистой силы.

²⁰ Вийон Ф. Большое завещание. Баллада о сеньорах минувших времен // Вийон Ф. Стихи: Сборник. М., 2002. С.399. Ф.Вийон не случайно появляется на страницах романа Ф.Рабле (книга четвертая, глава 13). См.: *Champion P. Villon, sa vie et son temps*. 2 vol. P., 1933.

героини и еретички), он после ее трагической гибели удалился в родовую замок Тиффож, где стал предаваться безумным жестокостям, похищая и убивая малолетних детей (около 140 жертв). Чередование благочестия с содомией, колдовством, навязчивой мыслью о демоне является, по мнению исследователей признаком кризисной эпохи²¹. Осужденный Нантским судом к повешению (26 октября 1440), он дал богатую пищу для многочисленных легенд, став прототипом знаменитой Синеи Бороды²².

На протяжении ранних эпох территория Пуату (*cité des Pictons*) была театром бесконечных военных действий: за римским завоеванием Трансальпинской Галлии (58–52 гг. до н. э.) последовало нашествие германских племен (с 276 г.). В 418 г. она оказывается в руках вестготов, а с 507 г., после победы Карла Мартелла над арабами при Пуатье, входит в состав Франкского государства²³. Параллельно начинается процесс христианизации населения, видное место в котором наряду с первыми проповедниками принадлежит пленной принцессе Тюрингии, жене Хлотаря I, Святой Радегонде (520–587)²⁴. Однако гораздо более зловещую память оставили о себе саксы (V–VI вв.) и норманны (IX–X вв.): страницы хроник полны печальных рассказов о пожарах, грабежах и убийствах²⁵. А поскольку те и другие в разное время участвовали в заселении Британских островов, в Пуату их ассоциировали с жителями Альбиона вообще.

Вместе с тем только события Столетней войны (1337–1453) непосредственно послужили поворотным моментом в оформлении ярко выраженных негативных представлений об англичанах. Патриотическое чувство, возникшее из этнической, языковой и географической

²¹ Дефурно М. Повседневная жизнь в эпоху Жанны д'Арк. СПб., 2002. С.187–188.

²² Наиболее известна версия в пересказе Ш.Перро. См.: Франс А. Семь жен Синеи Бороды (На основании подлинных документов) // Сказки французских писателей. Л., 1988. С.37–56. О Жиле де Ре см.: *Le Quelled J.-L.* Op. cit. P.346–347; *Rouillé J.* Op. cit. P.65–70, 91–99.

²³ С 27–25 гг. до н.э. территория Пуату становится частью римской провинции Аквитания. См. также: *Девуосс Ж., Пуа Ж.-А.* Битва при Пуатье (октябрь 733 г.). СПб., 2003.

²⁴ Культ Святой Радегонды — один из самых распространенных в современном департаменте Вандея. Свидетельство тому — не только широко практикуемый обряд ежегодного поклонения и паломничества (13 августа), но и официально отмечающийся в 1987 г. ее 1400-летний юбилей (см.: *Fruchard L.* Histoire culturelle du Poitou. 1997. P.47; *Le Quelled J.-L.* Op. cit. P.55–57, 124–125, 175, 268).

²⁵ *Girardeau J.* Op. cit. P.67–86.

общности еще во многом смешивалось с привязанностью к государю и верностью «природному господину», однако уже начало обретать новую силу и качественно иные черты²⁶. Зародившись как династический и феодальный конфликт, эта война, главным образом из-за неприятия местными жителями иностранной оккупации, принимала все более и более национальный характер. Она перестала быть распрей двух королей, увлекающих за собой своих вассалов, которым противоречивые обязательства, порожденные родственными узами и кодексом рыцарской чести, нередко оставляли определенную свободу выбора. Феномен Жанны д'Арк доказывал, что в борьбу вступил весь народ; «национальность» отныне определяет высший долг по отношению к обязанностям, налагаемым религиозными и нравственными законами²⁷.

Принц, пусть Эол могучий унесет
Того, кто край родимый предает,
Позорит святость дружеских союзов,
И навсегда да будет проклят тот,
Кто посягнет на родину французов!²⁸

Прежняя неопределенная настороженность в отношении иностранцев сменилась ненавистью и презрением непосредственно к англичанам. Отныне в народном воображении им неизменно приписывались практически все следы разрушений (замков, храмов, городов) на территории Пуату, а отзвуки кровавых сражений запечатлелись в топонимике региона²⁹. Показательны, впрочем, случаи «вторичной» интерпретации: аутентичные названия, чем-то созвучные мрачным воспоминаниям, обретали иное толкование, зачастую вопреки какой бы то ни было

²⁶ *Werner K. F.* Les nations et le sentiment national dans l'Europe médiévale // *Revue historique*. 1970. Vol. 244. P. 285–305. О зарождении патриотических чувств в Англии в противоположность принципам рыцарского космополитизма см.: *Barnie J.* War in Medieval English Society. Social Values in the Hundred Years War 1337–1399. Ithaca-N.Y., 1974. P. 58–115.

²⁷ *Басовская Н. И.* Указ. соч. С. 294–351; *Люблинская А. Д.* К вопросу об образовании французской народности // *Вопросы истории*. 1953. № 9. С. 78–96; *Bossuat A.* L'idée de nation et la jurisprudence du Parlement de Paris au XV–e siècle // *Revue historique*. 1950. Vol. 204. P. 39–57; *Guenée B.* Etat en nation en France au Moyen Age // *Revue historique*. 1967. Vol. 237.

²⁸ *Вийон Ф.* Баллада проклятий врагам Франции // *Вийон Ф.* Стихи: Сборник. С. 291.

²⁹ *Gabory É.* Op. cit. P. 1087–1088; *Le Queller J.-L.* Op. cit. P. 107, 117, 294.

исторической действительности. Считалось, например, что приход Леру (*Lairoux*) обязан своим именем... рыжеволосому английскому командиру отряда³⁰, хотя история местности «старше» своей фиктивной этимологии на 200 лет!

Одна из бретонских легенд, записанная в конце XIX в., очень красноречиво запечатлела сложившийся негативный образ, где англичане олицетворяют не просто зло, но зло вообще, то есть некое условно-метафорическое понятие. Вручая волшебный меч своему супругу (сыну короля Ирландии) молодая бретонка говорит: «Береги его, и никогда англичане не смогут тебя победить. И не теряй его никогда: ведь тебе придется сражаться, и много сражаться, с англичанами на протяжении многих лет. Да, должно настать время, когда этот проклятый народ будет раздавлен и изгнан отсюда. Как волков погонят их прочь из страны или перебьют поодиночке. Со всех четырех сторон света поднимутся люди против них. Будут летать и кричать черные вороны, носиться стаями над трупами англичан, грудями лежащими здесь и там»³¹. Радости ирландцев не будет предела, несмотря на то, что кровь англичан «не очень хороша для земли, потом на этой земле растут сорняки и всякая дрянь»³².

Процесс, впрочем, характеризовался взаимностью. Так, если в начале войны чувства неприязни англичан в основном фокусировались на личностях коварных и бездарных королей из дома Валуа, «всегда» ненавидевших Англию, то с течением времени в литературу проникла тема критики французов в целом, обвиняемых во всевозможных слабостях и недостатках. Автор одной из монастырских хроник привел популярную остроту: после битвы при Слейсе рыба съела столько французов, что, если бы Бог дал ей речь, она заговорила бы по-французски³³. Напротив, миром в Бретињи (1360) был с недовольством

³⁰ «Lai» = laird (lord) = лорд; «Roux» = рыжеволосый (см.: *Le Quellec J.-L.* Op. cit. P.148).

³¹ Событийная канва и психологический тон легенды, как мне кажется, проникнуты яркими аллюзиями на процесс осуждения Жанны д'Арк и ее ответ инквизиторам по вопросу о богоизбранности англичан: «Любит ли Он их или ненавидит, об этом мне ничего не известно. Но я уверена, что все англичане будут изгнаны из Франции, за исключением тех, которые найдут здесь свою смерть». Цит. по.: *Левандовский А. П.* Жанна д'Арк. М., 2007. С.182.

³² Сын короля Ирландии // Бретонские легенды/Пер. с бретонского, коммент. и сост. А.Р.Мурадовой. М., 2005. С.260, 263–264.

³³ *Barnie J.* Op. cit. P.45–53.

воспринят как предательство и успех происков Франции, сумевшей обмануть англичан за столом переговоров.

Между тем Франция потеряла огромные владения на юго-западе (Перигор, Лимузен, Сентонж, Пуату) и стратегические пункты, соединявшие их с «английской Гасконью», оказались в руках неприятеля³⁴. Мир был не менее опасен для Франции, чем война. По стране бродило множество банд наемников, оставшихся не у дел, грабивших население и не признававших ничьей власти («компаньоны»). К солдатам охотно присоединялись авантюристы и деклассированные элементы всякого рода, дворяне, лишившиеся своих фьефов, крестьяне, доведенные до разорения и отчаяния вымогательством военных и решивших взять реванш, присоединившись к какой-нибудь шайке. Все сословия уравнились благодаря общему существованию; смешались все национальности: испанцы, немцы, англичане и главным образом шотландцы, чья жадность и грабежи вскоре породят поговорку: «Совести у него на краги шотландцу не хватит»³⁵.

Отсюда берет начало пуатевинская легенда о «Красных людях» (*Hommes Rouges*), впервые высадившихся на прибрежном острове Йё во главе со знаменитым пиратом Робертом Нолем (1350–1363 гг.). Алый цвет униформы его наемников и дал повод к появлению бранной клички³⁶. Конфликт бургиньонов и арманьяков, проходивший с заметным привлечением иностранной помощи, и последовавший за ним Аррасский мир (1435) только усилили почти повсеместный и бесконтрольный разбой. Бриганды нередко прикрывали банальную страсть к приключениям высокими чувствами и благородными побуждениями, выдавая себя «борцами за независимость Франции». Несмотря на закономерную ненависть к любителям легкой наживы, современ-

³⁴ Герцогство Гасконь с 1036 г. было присоединено к Аквитании и под этим названием в 1137 г. вошло во владения французской короны. В 1154–1453 гг. область находилась под властью Англии. При этом в Англии ее преимущественно называли Гасконью, а во Франции — Гиенью (с 1240 г.). После окончания Столетней войны спорная территория обрела статус провинции Гиень и Гасконь.

³⁵ *Контамин Ф.* Указ. соч. С. 168–184, 256–267; *Contamine Ph.* Les compagnies d'aventure en France pendant la Guerre de Cent Ans // *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Age, Temps modernes.* 1975. N 87. P. 365–396; *Wright N. A.* «Pillagers» and «Brigands» in the Hundred Years War // *Journal of Modern History.* 1983. Vol. 9. № 1. P. 15–24.

³⁶ *Logé Y.* L'Île d'Yeu — Terre de Légendes. Entre réel et imaginaire. L'Etrave, 1995. P. 24–26, 63–65. С середины XVII в. прозвище стало синонимом английских солдат вообще: красные мундиры были введены в парламентской армии после военной реформы О. Кромвеля (1645 г.).

ники все же отдавали себе отчет, что именно оккупация была первоисточником всех бед. С точки зрения нормандца Тома Базена (будущего епископа Лизье), страну удалось «освободить и очистить от этой заразы только после того, как с английским господством было покончено и она вернулась под власть французов, ее природных хозяев... Остатки грабителей (а их было немало) влились в регулярные войска и стали получать жалованье, прочие вернулись по домам и снова принялись пахать землю или же, если знали какое-нибудь ремесло, с тех пор трудились, зарабатывая на хлеб себе, своим женам и детям»³⁷.

Острый социально-экономический кризис середины XVIII в. вновь выталкивал людей на дороги, и они бродили в поисках работы и пропитания (нищие, сезонные перемещения крестьян-отходников, профессиональные странствия подмастерьев, контрабандисты и уголовники). Вся эта разнородная масса людей постоянно стучалась в дома, сбивалась в группы, просила и требовала днем и ночью, переходя от просьб к угрозам, от попрошайничества к преступлению. Не редкостью были и настоящие банды, вымогавшие деньги и продовольствие. Страх перед людьми, «собравшимися вместе», немедленно актуализировал прежние образы и представления. Так зародилось пуатевинское сказание о «краснопузых» (*ventres rouges*), разорвавших и опустошавших окрестности³⁸.

* * *

В «Политическом завещании» кардинал Ришелье утверждал, что сама природа «пожелала сделать Францию морской империей, выгодно расположив два ее побережья, обеспеченных превосходными портами на океане и Средиземном море»³⁹. В то время как Англия и Голландия (страны с гораздо меньшим населением) имели многочисленные эскадры, Испания господствовала на Средиземном море и вывозила драгоценные металлы из Америки, Франция к началу 1600 г. владела лишь десятком галер на Средиземном море, а в Атлантическом океане вовсе не держала военного флота. Даже Дания и Швеция имели в распоряжении больше кораблей. Убедив Людовика XIII, что «сила армии не только в том, что король силен на суше, но также в том, что он силен на море», Ришелье получил в октябре 1626 г. должность «гроссмейстера, начальника и сюринтенданта морского и торгового флота Франции».

³⁷ Basin T. Histoire de Charle VII. Ed. Ch.Samaran. P., 1944. T.I.P.107–111.

³⁸ Le Quellec J.-L. Op. cit. P.368; Logé Y. Op. cit. P.28.

³⁹ См.: Блюш Ф. Ришелье. М., 2006. С.102–110.

Под началом кардинала оказалось управление портами Гавра и Бруажа, береговыми островами стратегического значения Ре и Олерона, адмиральствами Бретани (Брест) и Прованса (Марсель, Тулон).

Пираты, контрабандисты, рыбаки, купцы и путешественники были неотделимы от длительных морских плаваний, подвергавших жизнь человека неисчислимым опасностям. Коллективное сознание связывало океан с мыслью о грехе: водное пространство — сфера господства адских сил. Не случайно одним из любимых сюжетов пуатевинского фольклора являлись кораблекрушения и чудесные спасения утопающих, выброшенных на берег силой провидения⁴⁰. Так, часовня XII—XIII вв. в приходе Фаллерон называлась «английской»: якобы два капитана, застигнутые бурей, поклялись возвести святилище во имя Святой Марии, если она защитит их от катастрофы. При этом едва ли обращалось внимание на возможность морских судов подняться по течению неглубокой реки на десятки километров вглубь материка⁴¹. Остров Йё хранит память о знаменитом «кладбище утопленников» («кладбище англичан»): на протяжении долгих веков тела погибших предавались земле неподалеку от побережья, и население глубоко чтило неприкосновенность могил⁴². Происхождение Люсона, одного из старейших городов (основан около 675 г.), места епископской резиденции, равно приписывается... английскому королю-братоубийце!⁴³

В XIV—XVIII вв. всеобщее распространение получили недоверие и страх по отношению к чужакам и тем, кто не был интегрирован в общинный коллектив в силу особенностей своей религии (протестанты) или другим причинам (например, прокаженные)⁴⁴. Поскольку Нижний Пуату вместе с регионом Ла-Рошели являлся оплотом Реформации, наличие кальвинистских анклавов в крестьянской общине-приходе создавало непростую ситуацию: не случайно ревностные служители католического культа настойчиво высказывались в пользу

⁴⁰ *Le Quellec J.-L.* Op. cit. P.145, 148; *Rouillé J.* Op. cit. P.83–90.

⁴¹ *Le Quellec J.-L.* Op. cit. P.107.

⁴² *Logé Y.* Op. cit. P.15, 82.

⁴³ Этот факт тем знаменательнее, что легенда не имеет никакого исторического основания. Люсиус (Lucius), по мнению ранних хронистов, — второй сын римского императора Констанция Хлора (264–306 гг.). В наказание за братоубийство он был принужден покинуть пределы государства и посвятить жизнь служению Богу. Собрав корабль и отдавшись на волю «ветров и волн», он вскоре очутился у побережья Атлантического океана, где и построил церковь Святой Марии, названную впоследствии именем основателя. См.: *Le Quellec J.-L.* Op. cit. P.158; *Giraudeau J.* Op. cit. P.87–88.

⁴⁴ *Delumeau J.* La peur en Occident (XIV–XVIII siècles): Une cité assiégée. P., 1978.

ужесточения контроля. По убеждению же крестьян (даже в XVIII в.) гугеноты оскверняли окрестности и наводили порчу на население⁴⁵.

* * *

Революционные страхи в деревне, таким образом, имеют многовековые корни. Но если чудовища ранних эпох (гараш) были уже редкостью, то другие воспоминания (о чуме, колдунах, нищих бродягах или похищении детей⁴⁶) постоянно посещали коллективное сознание. Вполне обоснованно Ж. Делюмо считает нужным различать страхи перманентные (проистекающие из общих условий жизни и состояния психики), циклические (возвращающиеся в периоды эпидемий, голодовок, внешней опасности, роста налогов), стихийные⁴⁷. В результате «Великий страх», прокатившийся по французским провинциям во второй половине июля 1789 г., перестает быть необъяснимой странностью⁴⁸. Он распространялся старыми путями, проявлялся в традиционных формах, превращаясь на северном и западном побережье в панику перед англичанами, а Альпах — перед пьемонтцами, но повсюду — перед разбойниками, которых ждали и, как говорили, видели.

...Необыкновенное движение, внезапная тревога вспыхнули в день Святой Магдалены, 22 июля 1789 г... Это был Шампань, конюх нашего дяди из Шез, которого хозяин отправил к нам, чтобы предупредить о скором приближении англичан. Абсурдная новость тотчас же распространилась по всему городу: каждый верил в нее. Звонил колокол, и все мужчины вооружались ружьями, пиками, вилами, косами; все окна были освещены. Никто не спал ни минуты, и мы с волнением ожидали наступления дня... Отец мой был тогда мэром, а потому принял у себя двух депутатов из Шоле... Они подтвердили, что англичане прибывают и находятся лишь в нескольких лье от Шоле, безжалостно убивая мужчин, женщин, детей⁴⁹.

⁴⁵ См.: La Vendée des origines à nos jours/Sous la dir. de J.-L.Sarrazin. Saint-Jean-d'Angély, 1982. P.230–231.

⁴⁶ Слухи о похищении детей особенно актуализировались в середине XVII–середине XVIII вв. См.: Farge A., Rével J. Logique de la foule. L'affaire des enlèvements d'enfants. P., 1988.

⁴⁷ Delumeau J. Op. cit.

⁴⁸ См.: Dine H. La Grande Peur dans la generalité de Poitiers. Juillet-août 1789. Poitiers, 1951; Lefebvre G. La Grande Peur. P., 1932.

⁴⁹ Boutillier de Saint-André M.-J. Mémoires d'un père à ses enfants. Une famille vendéenne pendant la Grande Guerre (1793–1796). [1896] Rééd. 1994. P.28–35.

Современники и непосредственные участники Революции (Робеспьер, Марат, Кутон) не сомневались, что Англия с первых же дней заняла отчетливо враждебную позицию⁵⁰. Убежденные республиканцы априори рассматривали монархические государства в качестве «тиранов» и «деспотов», «пытающихся погасить сияющий во Франции светоч Добродетели»⁵¹. Любая неизвестная лодка на горизонте тотчас обретала размеры вражеской эскадры. 28 июня 1791 г. администрация департамента Нижней Луары направила в Национальное собрание письмо, предупреждавшее о маневрах английского флота у берегов Пуату. Муниципалитет Нуармутье (как и многие небольшие порты Атлантики) запросил оружие и боеприпасы в арсенале Рошфор⁵². Перспектива столкновения с туманным Альбионом воспринималась как совершенно естественная и даже неминуемая, хотя формально государства находились в состоянии мира.

Вместе с тем исследователи отмечают пассивное, если не равнодушное, отношение Британии к социальным катаклизмам по другую сторону Ла-Манша. Так, одни расценивали их возмездием за помощь американским колониям, другие радовались ослаблению традиционного соперника, третьи приветствовали демократические преобразования в духе Славной революции 1688 г. Только по мере радикализации событий на континенте и под влиянием знаменитого памфлета Э. Бёрка⁵³ большинство парламентариев, члены кабинета Уильяма Питта Младшего и сам Георг III с тревогой стали взирать на происходившее во Франции. Положение усугубилось объявленной Францией 1 февраля 1793 г. войной, которую английский премьер-министр и король всячески пытались оттянуть в целях завершения широкомасштабных реформ, начатых в 80-е годы XVIII в. В результате вплоть до 1795–1796 гг. Великобритания оставалась в роли «младшего партнера», но отнюдь не «организатора и застрельщика» Первой коа-

⁵⁰ См. об этом: *Федин А. В.* Англо-русские отношения вокруг Великой французской революции: историография проблемы // Всеобщая история. Современные исследования. Вып. 11. Брянск, 2002. С. 72–76.

⁵¹ *Чудинов А. В.* На облаке утопии: жизнь и мечты Жоржа Кутона // Кутон Ж. Избранные произведения (1793–1794). М., 1994. С. 50–51.

⁵² *Gabory É.* Op. cit. P. 1088.

⁵³ Памфлет Э. Берка «Размышления о французской революции» (1790 г.) положил начало консервативной интерпретации ее истории. См.: *Чудинов А. В.* Размышления англичан о Французской революции: Э. Берк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М., 1996. С. 66–100; *La Révolution dans l'Ouest de la France vue de l'Angleterre.* P. 121–130.

лиции⁵⁴. Показательно, что известие о Вандейском восстании не вызвало в Англии предполагаемого «контрреволюционного» восторга, и первые попытки сближения с «естественным» союзником затянулись, обнаружив осторожную, выжидательную позицию правительства и его желание действовать крайне прагматично⁵⁵.

Поток французских эмигрантов в целом встречал благосклонное к себе отношение на противоположном берегу Ла-Манша. Неприсягнувшие священники, влачившие жалкое существование в других протестантских странах (Голландия), часто ощущали себя в Англии в большей безопасности, чем в католической Испании или Германии⁵⁶. Разрыв дипломатических отношений вызвал живейший восторг среди роялистов-изгнанников, надеявшихся на восстановление прежнего статус-кво силой иностранного оружия⁵⁷. Однако кабинет Питта пытался препятствовать попыткам возврата Бурбонов на престол. «Тори (консерваторы), находившиеся у власти, — писал П. А. Кропоткин, — просто поняли, что для Англии наступил момент подорвать соперничество Франции на морях и отнять у нее колонии...»⁵⁸. Современные исследования равно доказали, что к середине 1794 г. вопрос о вмешательстве во внутренние дела Франции с целью установления там какого-либо государственного устройства даже не обсуждался. Лишь череда поражений на континенте и твердая позиция России заставили принять условия последней о введении режима конституционной монархии (но не ранее 1797 г.)⁵⁹. По меткому

⁵⁴ Федин А. В. Англо-русские отношения вокруг Великой французской революции. С. 74–77. В отечественной историографии существует и противоположная точка зрения. См.: Егоров А. А. Питт Младший. Политическая биография. Автореф. дис... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2001. С. 45–48.

⁵⁵ Gabory É. Op. cit. P. 1087–1105; La Révolution dans l'Ouest de la France vue de l'Angleterre. P. 131–165.

⁵⁶ Gabory É. Op. cit. P. 86–88, 1075–1086. Среди нескончаемого потока эмигрантов документы фиксируют 650 человек — выходцев из Вандеи (среди них не менее 100 — неприсягнувшие священники).

⁵⁷ О планах эмиграции см.: Ростиславлев Д. А. Людовик XVIII и политическая программа французской эмиграции (по материалам АВПРИ) // Французский ежегодник 2000. М., 2000. С. 176–200; Сергиенко В. Ю. Французская революция глазами конституционных монархистов (опыт эмиграции) // Французский ежегодник 2001. М., 2001. С. 187–200.

⁵⁸ Кропоткин П. А. Великая французская революция (1789–1793). М., 1979. С. 298.

⁵⁹ Федин А. В. Англо-русские отношения вокруг Великой французской революции. С. 78.

замечанию Э.Габори, первоначально речь шла о войне без четких целей — идеологических (судьба короны) или практических (насущенные материальные интересы)⁶⁰. Не удивительно, следовательно, что «военная» тактика «коварного Альбиона» исходила преимущественно из сиюминутных прагматических соображений.

Казнь Людовика XVI, якобинский террор, захват Бельгии (Южных Нидерландов), германских земель, Савойи и Ниццы повлияли на заметное смягчение позиций по отношению к роялистским проектам. С другой стороны, реакция общественного мнения и конкретные меры политической элиты по вопросу о Вандее еще раз подтвердили сугубо прагматический характер британского внешнеполитического курса. Так, английская эскадра не спешила использовать «счастлившую возможность», а, напротив, проявляла «преступную медлительность» в деле поддержки контрреволюции. Несмотря на многочисленные «миражи» предубежденных республиканцев⁶¹, «эмиссары Лондона» действовали крайне осторожно. В результате долгих и трудных переговоров с главнокомандующими «Католической и королевской армии» соглашение было достигнуто, хотя заявленные повстанцами цели выглядели очень неопределенными («...Бог, короли и все друзья человечества в Универсуме...»)⁶². Действительно, дело сулило некоторую выгоду: активные действия на Западе отвлекли бы французские войска от экспансии в Европе и, в случае успеха, привели бы к «меньшему злу» по сравнению с намерениями эмигрантов.

В самой Вандее желание союза тоже возникло не сразу и пробило себе дорогу с трудом. Основная масса крестьян питала глубокое недоверие ко всему «иностранному»: архетип извечного врага, приносящего разрушения и смерть, дополнился закономерной боязнью возврата Старого порядка вместе с принцами и аристократами. Потерпев сокрушительное поражение у Шоле (17 октября 1793 г.), отряды восставших оказались вынужденными переправиться через Луару в надежде на благосклонный прием в Бретани и помощь шуанов. Так началась знаменитая *Virée de Galerne*⁶³. Вопреки сложившимся представлениям,

⁶⁰ Gabory É. Op. cit. P.1092–1093.

⁶¹ По утверждению некоторых очевидцев, вандейцы бросались на республиканские войска с криком: «Да здравствуют англичане!» Красный цвет одежды отдельных повстанцев породил идею о непосредственном руководстве мятежом со стороны англичан. См.: Gabory É. Op. cit. P.1094.

⁶² Цит. по: Ibid. P.1103.

⁶³ Непереводаемая игра слов: *Virée* — поворот, прогулка; *Galerie* — на местном диалекте — название ветра, дующего с северо-запада (с берегов Атлантики). Однако от-

их действия были, скорее, хаотичными, нежели устремленными к такой цели, как получение помощи от англичан через захваченный порт⁶⁴.

Покинув пределы своей территории, вандейцы потеряли «естественные преимущества». Специфика природных зон (Бокаж) и тактика партизанской войны долгое время делала их неуязвимыми: регулярные соединения часто становились «заложниками» непроходимых лесов и болот. С другой стороны, «Католическая и королевская армия» оказывалась бессильной на широком открытом пространстве: слабая дисциплина, отсутствие четкого плана и единства в командном составе обрекали на провал самые смелые планы отчаявшихся повстанцев. Таким образом, только давление обстоятельств, но отнюдь не надежда на англичан вынуждало к совершению безрассудного грандиозного марша.

Показательно, что сами генералы едва ли верили в оказание обещанной помощи. Каждый новый этап сопровождался бурными дебатами, где мнение «английской партии» выслушивали не без серьезных возражений⁶⁵. В результате провал атаки Гранвиля (порт на берегу Ла-Манша) 14–15 ноября 1793 г. стал последней каплей терпения: некогда могущественная армия вандейцев обратилась в толпу нищих, голодных людей, потерявших силы и веру. Их обратный путь к Луаре наводил ужас на местное население, вызывая жалость и отвращение, страх и презрение⁶⁶. Попытка бегства в Англию некоторых представителей командования породила идею чудовищного обмана: беспримерные тяготы и лишения совершались в интересах нескольких персон!⁶⁷ Прежнее недоверие к «господам» сменилось жестокой ненавистью, заслонив на время психологический шок от коварного британского «предательства».

ступающая армия потеряла здесь последнюю видимость военных соединений: вслед за ней двигалась несметная толпа стариков, женщин, детей; в общей сложности — 80 тыс. человек.

⁶⁴ Poirier J. L'état des combats // Les oubliés de la Guerre de Vendée. Mémoires et journaux // Société d'Émulation de la Vendée. 1991–1992. Vol. 138–139. P. 237–238; La Révolution dans l'Ouest de la France vue de l'Angleterre. P. 167–175.

⁶⁵ Gabory É. Op. cit. P. 1119–1124; Gérard A. Op. cit. P. 247–248.

⁶⁶ Marquise de La Rochejaquelein. Mémoires de madame de La Rochejaquelein. La Guerre de la Vendée (1793–1795). [1889] Rééd. Cholet, 1993. P. 348–349.

⁶⁷ Jaudonnet de Laugrenière D.-A. Rapport aux représentants du peuple // Les oubliés de la Guerre de Vendée. P. 267; Marquise de La Rochejaquelein. Op. cit. P. 317–319; Savary J.-J. Guerres des vendeés et des chouans contre la République française (...) par un officier supérieur des armées de la République. [1824] Rééd. T. 1. Cholet, 1993. P. 351.

Ужасы «адских колонн» республиканских войск, последовавших за *Virée de Galerne*, оставили глубокий след в истории региона⁶⁸. Вместе с тем эпоха бурных политических баталий и продолжительная ненависть к Республике парадоксальным образом сохранили следы мнимого «английского» присутствия. Устное народное творчество полно героических рассказов о подвигах восставших, а равно и мистических кладах «британского золота» и оружия, брошенных армией Шаретта в знаменитом лесу Грала⁶⁹.

Убеждение в том, что вандеец — плохой солдат, часто подкреплялось ссылкой на отсутствие у него реальных внешних врагов. Вместе с тем историческая память о туманном Альбионе в приатлантических провинциях рельефно иллюстрирует ошибочность подобных предположений. Негативный психологический фон подкреплялся постоянным страхом конкретных действий: пиратство, контрабанда, грабительские десанты разоряли население, парализовали торговлю и рыбную ловлю (часто единственный источник существования).

Реорганизация морских портов, начатая Бонапартом с 1799 г., и заключение Амьенского мирного договора (1802), безусловно, произвели самое благотворное впечатление. Не удивительно поэтому, что возобновление военных действий против англичан в мае 1803 г. не оттолкнуло население от режима, а сплотило вокруг него, ведь в разрыве, конечно, вину исключительно Англию. Экспедиции главы эмигрантов Ж. де Пюизе (Киберон) и графа д'Артуа (остров Йе) закончились неудачей, однако они породили многочисленные британские «миражи», легко возбуждавшие тревогу, паники, всеобщее вооружение и иступленные призывы к местной власти о помощи⁷⁰. Вопреки предположениям, «эмиссары Лондона» (сторонники Бурбонов) действовали крайне осторожно: полиция раскрыла в 1804 г. единственный заговор — «дело о свинце» (*affaire des Plombes*), — якобы координируемый масонским роялистским обществом⁷¹.

* * *

Причиной исчезновения фольклорного образа «врага-англичанина» стали не столько политические события (революция, империя, нацио-

⁶⁸ Gérard A. «Par principe d'humanité...» La Terreur et la Vendée. P., 1999.

⁶⁹ Le Quellec J.-L. Op. cit. P.45, 58–59, 87, 232.

⁷⁰ Heckmann Th. Napoléon et la paix. Deux préfets de la Vendée: Jean-François Merlet — Prosper de Barante. (Documents inédits). Edition d'Orbestier, 2004. P.141–146.

⁷¹ Gabory E. Op. cit. P.687–693.

нальная интеграция), сколько изменения той общей «картины мира», компонентом которой была вера в «английское зло». Этот процесс был связан с прогрессом научной мысли (начиная с эпохи Ренессанса) и выражался, в частности, в стремлении исключить все сверхъестественное из окружающего мира. Однако такое предположение неизбежно выводит на более широкую проблему — о роли событий 1789–1799 гг. в политизации крестьян. По мнению Э. Вебера, в «отсталых» районах Запада и Юго-Запада процесс начался не ранее 1880 г.: экономическая и культурная изоляция препятствовала усвоению общенациональных ориентиров и удерживала поведение индивидов на уровне местных интересов и личных взаимоотношений. Только развитие инфраструктуры, сети начальных школ, всеобщая воинская обязанность, рынок и доступная пресса подтолкнули начавшуюся «ассимиляцию» сельского населения⁷². Более того, середина XIX—начало XX вв. (франко-прусская и Первая мировая войны) были отмечены становлением чувств германофобии. Тогда основное место в формировании патриотического настроения региона принадлежало уже Ж. Клемансо (1841–1929), уроженцу Муйрон-ан-Паре (деп. Вандея).

⁷² Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France (1870–1914). L., 1977.